

Г Р А Д

НИКОЛАЙ ОЦУП

Г Р А Д

СТИХИ

ПЕТРОГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЦЕХА ПОЭТОВ»
1921

Р. В. Ц.

Напечатано в количестве 1000 экз.

Посвящаю моей жене

Гредел сегодня ночью гром
И прыгал град в попоке
И молния большим прыжком
Качнула ствол высокий.

И в ту же ночь меня помял
Тяжелый бред: корнями
Опутан я, и сети жил
Обожжены огнями.

Я черным деревом спою
Обугленный и ветхий,
И продолжают жизнь мою
Раскинутые ветки.

А в вышине, где птичий свист
Где не плясало пламя —
Еще дрожит зеленый лист —
Трепещущая память.

Н А Д Н Е

О, если здесь такая непогода,
Что ж на море, где ветер сам не свой?
Сирена понущего парохода
И стон дождя и волн гортанный вой!

И скользкое бревно обняв за шею,
Глохая волн кипящее вино,
Я не могу дышать и цепенею,
И смывый наконец иду на дно.

Я двигаюсь и я дышу не скоро,
Как ерш на суше раскрываю рот,
Гигантский краб Казанского Собора
Меня в зеленой тине стережет.

Шевелятся мохнатые колонны,
Проваливаюсь в лужу до колен,
От бури жмурясь длинные трипены
Плюются пеной с почерневших стен.

Но кто-то любит и кому-то жалко,
И кто-то помолился обо мне,
Проходит в дождевом плаще русалка,
Стихает буря — радуга на дне.

1921 г.

О, кто мелькнув над лунной кручей,
Встревожив облачную спаю,
Летит к земле звездой падучей
И крылья воздух освещают.

Нырнули в бездну голубую
Домов чудовищные пени,
С трудом дыша, на мостовую
Упал и гаснет лунный гений.

Привыкший в небе к бездорожью
Он на торцы ступить не может,
Его знобит предсмертной дрожью,
К нему торопится прохожий.

Вот вспыхнул, вот померк от муки
Безглазый, сморщенный калека,
И жадно голубые руки
Цепляются за человека.

Прохожий полчаса возился,
Как будто сделанный из ваты
Вставал калека и валялся,
«А ну тебя, сморчок крылатый!»

На Спасской флигелек кирпичный
И дворник у ворот зеваает,
Жена напрасно суп черничный
На примусе разогревает.

Прохожий, уходи скорее...
«А жалко, что городские
Повымерли», и вдруг на шее
Он слышит пальцы голубые.

Распаяли дома сначала,
Как дым разлуки на пероне,
Распаял мост, вода канала,
Нагие отроки и кони.

Зачем луне душа живая?
Жену давно долил дремота,
И дворник, сонный раз зевая,
Встает чтоб затворить ворота.

1921 г.

Теплое сердце брата укусили свинцовые осы,
Волжские нивы побиты желтым палящим дождем,
В нищей корзине жизни — яблоки и папиросы,
Трижды чудесна осень в бедном величьи своем.

Медленный листопад на самом краю небосклона,
Желтизна просупила на теле стенных газет,
Кровью листьев сочится рубашка осеннего клена,
В маповом небе зданий желто-багряный цвет.

Желто-багряный цвет всемирного листопада,
Запах милого пленья от руки восковой,
С низким поклоном листьев в воздухе Летнего Сада,
Медленно прохожу по золотой мостовой.

Тверже по мертвым листьям, по савану первого снега,
Солоноватый привкус поздних осенних дней,
С гиком по звонким камням летит шальная телега,
Трижды прекрасна жизнь в жестокой правде своей.

30 Августа 1921 г.

ЛЮБОВЬ

Снова воздух пьяного марта,
Снова ночь моего обручения.
Селеницы на крыше играют в карты
И я попросил разрешения.

У теплой трубы занимаю место,
Голоса звенят колокольцами:
«Пять алмазов... на карте ваша невеста».
Пальцы крупье с белыми кольцами.

Дворники спят. Ворота закрыты.
Свет погас за окошками.
«Дама бубен» — кричат Селеницы
Голубые, с длинными ножками.

Небо лунную руку простерло,
Страшный крик за оградой
Я хватаю крупье за горло
И прямо в прошлое падаю.

Навстречу зимы летят снежками,
Царскосельские зимы, синие.
Первая любовь с коньками
И шубка в вечернем инее.

В черном небе ветки и гнезда,
Прыгнет белка снежок осыпав...
Ближе, ближе... Тускнеют звезды
От каблучков и обозных скрипов.

Ближе... Винтовка и песни в вагоне,
В колокол прижаты ударил,
Плачет женщина на перроне,
Провожая глазами карими.

О, берег серпуховской квартиры,
После моря такого бурного.
Очнулся и слышу звон лиры
С потолка лазурного.

Мне ли помнится лунной любовью?
Сердце. Солнце мое беспощадное!
Елена, девственной кровью
Утоли мое тело жадное.

1921 г.

Е. Люком

Я этим грезил до сих пор,
Ты лучшими владела снами.
Черти последний приговор
Тупыми легкими носками.

О, лебедный сгиб руки,
И как заря колен дыхание,
Сереброкрылые значки,
Небесное чистописание.

Одна душа за всех плывешь
И каждая душа на сцене
Не помнит ярусов и лож,
Качаясь чайкой в белой пене.

Уже над нежною толпой
В сто тысяч вольт пылают свечи,
И слава солнечной фатой
Покрывает матовые плечи.

Торговец тканями тонкинскими,
Штанами хрустнув чесунчовыми,
На камень сел, шоссе сыреем
И легкий вечер пахнет маками.

Как на фарфоровом кофейнике
Простые травы веют Азией, —
Репейник за спиной тонкинца
Канаву делает Китаем.

Две дачницы с болонкой розовой
Проходят по шоссе: «Дитя мое,
Я ложка брачного с китаецем
Не разделяла бы, хотя...»

ТВОЕ ИМЯ

Луна населена словами:
В кустах шарики-ежи,
На льдах томные моржи,
На ветвях соловьи и кукушки
А имя твое — царица слов,
Живущих в лунных морях.
Царице морской
Прислуживают дельфины:
Слава, любовь и левкой.

Дао изначальный свет
Желтую бросает тень,
Если ты большой поэт —
На тебе почиет вень.

Ветки легкие олив
Или северной сосны
Для тебя иероглиф
Желтой райской вышины.

Ты не пробуй разбирать,
Хитрых знаков не пытай,
Только сердцем надо знать,
Что и в небе есть Китай!

Е. А. П—ой

* * *

В голубом прозрачном крематории
Легкие исплели облака,
Над Невою солнце Евпатории,
И вода светла и глубока.

Женщина прекрасная и бледная
У дубовой двери замерла,
Сквозь перчатку жалил ручка медная,
Бьет в глаза нещадный блеск стекла.

«Милое и нежное создание,
Я сейчас у ног твоих умру,
Разве можно бежать на свидание
В эту нестерпимую жару?

Будешь ты изменой и утратою
Мучиться за этими дверьми,
Лучше обратись скорее в спатую
И колонну эту обними!»

Дверь тяжелая сопротивляется,
Деревянный темнокрасный лев
От широкой рамы отделяется
И увещевает нараспев:

Он и сам меняет очертания
Город с длинным шпилем золотым.
Дождь над Темзой, север — Христиания,
А сегодня виноградный Крым!

Скоро осень и у нас, и за морем,
Будет ветер над Невой звенеть,
Если тепло можно сделать мрамором,
Ты должна скорей оцепенеть!

Все равно за спущенными шторами
Он совсем не ждет своих шагов,
Встретишься с уклончивыми взорами
И вдохнешь струю чужих духов.

Женщина к колонне приближается,
Под горячим золотым дождем,
Тело, застывая, обнажается
И прожилки мрамора на нем.

Будет он винить жару проклятую
И напрасно ждать ее одной,
Сбережет задумчивую спатую
У его подъезда лев резной.

1921 г.

Цвепуп видения — так хочеш ты, душа,
Когда же ты молчишь, сиянием дыша,
Сквозят видения нежнее дымки слабой,

И часто в дождь и ветер средь вянущих болот
С глазами жадными, раскрыв широкий рот,
Моя душа сидит коричневою жабой.

Всю комнату в два окна,
С кроватью для сна и любви,
Как щепку несет волна,
Как хочешь волну зови.

И, если с небом в глазах
Я тело твое сожму,
То знай: это только страх,
Чтоб тонуть не одному

С О Н

Я проснулся, крича от страха,
И подушку и одеяло
Долго прогал руками, чтобы
Снова хобот его с размаха
Не швырнул меня прямо в небо
Или в сумрак черной утробы.
Никого с такими клыками
И с такими злыми глазами
Я не видел, о я не видел,
И такого темного леса
И такого черного страха
Я не ведал, о, я не ведал.
Я зажег свечу и поставил
Трепетно к изголовью...
Чтоб утишить биенье сердца
Взял трактат о римском праве
И раскрыл его на «условье
Действительной купли-продажи».
Я пошел и жены, спокойно
Спавшей, волосы поцелуем
Шевельнул и вернулся тихо,
Но едва задремал я, бурно
Зазмеился песок, волнуем
Винтообразным ветром.

Длинношеюю голову скрыл я,
И мою двугорбую спину
Охватило ветром свистящим
И от свиста стал я змеиться
И пополз удавом в долину
И проснулся вновь настоящим.
Но подумал, спрогий и гордый:
То далекой памяти море
Мне послало терпкие волны.
Разрывая тела и морды,
Море памяти мне отворит
Настоящее счастье жизни.

Анатолию Колмакову

В О Й Н А

Араб в кровавой чалме на длинном паршивом верблюде
Смешал караваны народов и скрылся среди песков
Под шопот охрипших окопов и кашель усталых орудий
И легкий печальный шорох прильнувших к полям облаков.

Воробьиное пугало тщетно осеняет горох рукавами:
Солдаты топчут пшеницу, на гряды ложатся ничком,
Сколько стремительных пуль остановлено их телами,
Полмира пропитано дымом словно густым табаком.

Все одного со мной сомнительного поколения,
Кто ранен в сердце навзлещ мечтой о кровавой чалме,
От саранчи ночей в себе ищите спасенья
Воспоминанья детства зажигайте в беззвездной тьме!

Вот царскосельский дуб, орел над прудом и лодки,
Овидий в изданье Майнштейна, расстрепанный сборник
задач,
В нижнем окне сапожник стучит молотком по колодке,
В субботу последний экзамен, завтра футбольный матч.

А летом балтийские дюны, янтари и песок и снова
С молчаливыми рыбаками в синий простор до утра!...
Кто еще из чинапелей «Задушевного Слова»
Любит играть в солдатики?... Очень плохая игра...

1921 г.

Мне детство приснилось ленивым счастливецом,
Спорожем сада Екатеринина,
Ворота «Любезным моим сослуживцам»,
Поломан паром, и скамейка починена.

Пройдет неспеша по скрипучему снегу
В тяжелой овчине с заплатами козвими,
А время медлительно тащит телегу,
И блещет луна золотыми полозьями.

Я сам бы на развалнях в небо поехал,
А ну ка зложим каурого мерина...
Ворота открыл, из пахучего меха
Посыпались звезды... Дорога поперяна.

В пустой океан на оторванной льдине
Блаженно, смертельно и медленно едетя,
Ни крыши, ни дыма в зияющей сини...
Эй шуба, левее... Большая Медведица...

Куда мои сани девались и льдина,
Разрезала воздух алмазная палица,
Хватаю себя — рукавицы, овчина
И лед под ногами... А если провалится?

1921 г.

Я приснился себе медведем
И теперь мне трудно ходить —
Раздавил за столом тарелку,
А в ответ на нежный укор
Проворчал: «Скорлупку ореха
Я не так еще раздавлю!»
Даже медом грежу я, даже
Лапу сунул в рот и сосу.
Что же делать в этой берлоге,
Где фарфоровые сервизы
Не дают вздохнуть от души?
Уведи меня, Варя, в табор, —
С безымянного пальца скинув,
В нос продень кольцо золотое
И вели мне плясать под песни,
Под которые я мурлычу,
И сейчас у тебя в ногах!
О теперь я совсем очнулся:
Больше я не медведь, но кто я?
Отрок радостно подраставший
На парадах в Царском Селе?
Или юноша — парижанин,
Проигравший деньги на скачках,
Все что брат прислал из России,
Где его гвоздильный завод?

Или топ, кто слушал Бергсона
В многолюдном колледже, или
Топ, кто может писать стихи?
Маленькая, ты не поверишь,
Что медведь я и парижанин,
Царскосел, бергсонист, писатель
И к тому же я сумасшедший,
Потому что мне показалось,
Что и Нелдихен — это я!

АЭРОПЛАН

В древности Виланд в птичьих перьях,
Дэдал на пающих крылах —
В средневековых же поверьях
Ведьмы летали на козлах...

Тщетно гадал седой алхимик,
Лучше летать учил колдун:
В кожу впираньями сухими
Под заклинанья слов и струн.

Если когда и мог присниться
Под небеса задумный шар,
Но не такая — ужас — птица
В туче не больше чем комар.

В страхе друзьям дикарь расскажет:
Клювом неистово вертя,
Не трепеща крылами даже,
Птицы — чудовища летят.

Сверху хозяин — европеец,
Завоеватель, бог, пилот,
Ветер подмяв, под небом реет,
Сам направляя птичий лет.

Вот он согнулся, в пропасть глядя,
Смерть или руль в руке держа...
Как хорошо гудит в прохладе,
Блещущий солнцем круг ножа!

1918 г.

Сергею Оцу

АВТОМОБИЛЬ

Яростный рев сомкнутых уст,
Гневная дрожь, рванул, понес,
И на песке примятом хруст
Мягких и розовых колес.

Сердце исправное стучит,
Клапанов мерен перебой,
Сверху для бега все ключи:
Сердце стучит само собой!

Только столбов мгновенный ряд,
Да ворчунов-прохожих злит
Голубоватый едкий яд,
Долго не тающий в пыли.

Сколько тяжелых как слоны,
Легких и быстрых как челнок,
Как они могут звать и ныть,
Как у них много быстрых ног.

Фары горят, стучит скелет,
Газы упругие пыхтят,
Только тягучий едкий след,
Только столбов мгновенный ряд.

1919 г.

Синий суп в звездном когле,
Облаков лимонные роши,
А на маленькой круглой земле
Едет жучок — извозчик.....
«Погоняй, извозчик скорей...
Направо... у тех дверей!..»

«Дай -ка сдачи! Ну же, проснись!..»
Фонари у парадного стойла,
Но клячонка глянула ввысь
И хлебнула небесного пойла...
Сдачи? Неуловима, нет,
Еле зрима пыль монет!

Только бы устоять на ветру,
Сдунет, сдунет с земли покапой
В синюю, как море, дыру
С западной каймой розоватой...
Тонет, тонет в когле золотом
Мой извозчик с тонким кнутом!

Вот еще колея и грязь —
Все следы осеннего плача —
Но мелькнули спицы, взнесясь,
Как комарик пискнула кляча...
Я один на гладкой земле —
Крошка хлебная на столе.

Больше не вздремнет у ворот
Мой неуследимый извозчик,
Звездочету ли брань пошлет
В телескоп голодный и тощий?
Чуть приметна колес стезя...
Верно и в телескоп нельзя?..

Улетай, улетай, улетай!
Устою ли, к дверям прижатый?
Как песчинка сам внезапай
Пролечу по земле покатою,
Словно сахар в горячей мгле
Распущусь в золотом когле.

В легко подбрасывающем автомобиле
Губы его изредка закрывали мои глаза,
«Для любви, для любви этот шелест несущих
крылий»
Быстро летящим шопотом он сказал.

Пробежали над нами смеясь деревья,
Но строгая не улыбалась звезда,
И вдруг я увидела дым кочевья,
Где это тело расцветало, не знаю когда.

Как по звездной, золотистой нитке
Память искрой взбежала. Вспыхнул дымный луг,
И луна заглянула в качаемый полог кибитки,
Где глаза мои смуглый и белозубый целует друг.

К О Н Ц Е Р Т

Дрогнули два-три листочка липок,
Мы глаза смежили от жары,
И вступили голосами скрипок
В первую сонату комары.

Самого взыскательного слуха
Эти скрипачи не оскорбят,
Внятно на виолончели муха
Заиграла около тебя.

Море и песок сухой и мелкий,
И на рампе миллион свечей,
Замирают медные тарелки
Чуть позванивающих лучей.

Дирижер скрывается за краем
Облаков, уже пора назад....
Где-то брызнуло собачьим лаем
И веселым хохотом солдат.

Э Л Е Г И Я

О, жизнь моя. Под говорливым кленом
И солнцем проливным и легким небосклоном
Быть может ты сейчас последний раз вздыхаешь,
Быть может ты сейчас как облако растаешь...
И спай комаров над белою сиренью
Ты даже не испугнешь своей недвижимой тенью,
И в небе ласточка мелькнет не сожалея
И не утихнет шмель вокруг цветов шалфея.

О жизнь! С дыханием лондонских туманов
Смешался аромат Хейямовских Диванов.
Джульета! Ромео! Веронская гробница
В цветах и зелени навеки сохранится.

О, жизнь моя. А что же ты оставишь,
Студенческий трактат о Цизальпинском праве,
Да пару помиков стихов не очень скучных,
Да оспрую поску часов благополучных,
Да равнодушие у вепренной и милой,
Да слезы жаркие у верной и постылой,
Да тело тихое под говорливым кленом
И солнцем проливным и легким небосклоном..

О С Е Н Ь

I

Осень осыпает листья —
Отменили трамвайные билеты.
Пороша по первоупску —
Нафталин отрясается с шубы,
Ее достают из красного
Сундука, где она лежала летом —
Даже заяц к зиме красит шкуру!
Слишком долго домов не чинили —
Оползают песчаные дюны,
Осыпается штукатурка —
Ветер времени стены обветрил —
    Это осень, Елена!

Я спешу в осеннем трамвае,
Он осыпал листья билетов,
И стоит кондуктор, как дерево
Голое под влажным ветром.
Покрывая птичий дискант
И позваниванья трамвая,
Слева ухнул каменный бас:
«Ты скажи, дом Зингера с шаром
Прозрачным на руках у женщин
Над стеклом и железом крыши,

Любишь ли ты позднюю осень?»
И с пролета передней площадки
Гранитный дом Вавельберга
Мне сверкнул озерами стекол
Зеркальных с переливами такими,
Как на глади озер Женевских,
Когда в их холоде зыбком
Радуга изогнется.
Я услышал ответ, Елена:
«Мы ничем не хуже Монблана,
Может быть, поменьше и только,
Жаль тебе осеннего снега?
Пусть и наши кряжи белеют!
Есть архангелы-небоскребы
В райских куцах Нью-Йорка —
Эти не чета Гималаям:
Поживей каскадов брюзгливых
Освежают их паровозы —
На плапо бетонных площадок
Садятся гарпии — птицы —
И проглатывают шум и ветер
Стальными клювами — винтами!
Мы печами делаем лепто.
В наших раковинах плачет осень!
И я слышал, где-то на Охте
Фабрика одобрительно завывала
Протяжным гудком вечерним:
«Да, мы лучше гор сотворенных
Косолапым отцом Вселенной!»
А дома вздохнули так громко,

Как пролетный ветер в ущелье
Вздохами морского прибоя.
Ветер расплался словами:
«Для Поэта, Бога и Неба
Одинаковы и бессмертны
Здания и снежные кряжи,
Улицы и легкие реки,
Листопад, отмена билетов,
Нафталиновый снег и пороша!»
Так я встретил осень, Елена!

II

Ты не слышала тяжких камней,
Только ветер с моря коснулся
Ситцевых занавесок белых
В окне деревянного дома
Против Тучкова Буяна.
Ты помилась встречей осенней,
И дрожью милой газели
Трепетало легкое пело
С родинкой на левой груди!
Жаль, что утром плохо кормили
Голубым электрическим сеном
Добрые спада трамваев
И они от голода спали,
Грустно глядя друг другу под номер.
Мне пришлось по палому снегу
Хлюпая, пешком пробираться
К этой густолиственной сени

Голубых с цветами обоев,
К шелковой мураве дивана!
Нацеди из ключа кувшина
Мне холодной влаги: устал я,
Пробираясь к милой дубраве.
Ах, коспер развела пы в печке!
Сядем на пол, красный от света,
Дай мне руки: осень шагает
По зеленым Невским зыбям,
А мы с тобою, как будто
Негр и негритянка
Под летним пополком неба
У костра африканской луны.
Ведь для негра мускусный запах
Кожи милой и шлепающие губы —
Такая же дорога к бессмертью,
Как для меня завиток волос
Твоих — за коралловым ухом;
Где кожа так душно пахнет,
Как дорожки «Летнего сада»:
Червонной вервеной листьев,
В холодеющем ветре поэм,
Осенних поэм,
Елена!

1920 г.

В ДЕРЕВНЕ

I

Как папиросная бумага листья
Шуршат, я под навесом крыши в глине,
Зеленой рамой охватившей стекла
Воды, — стою над зыбким отраженьем
Своим и наклонившейся избы
И думаю об Анатоле Франсе.

Когда в лицо мне веет ветер свежий
Весенними холодными полями,
Иль, повернув глаза к уютным хатам,
Слежу прогромыхавшую телегу, —
Над этой простодушной природой
Истории я слышу шумный леп.

В обыкновенной русской деревушке
Всемирные виденья воскресают
И если верить кругу превращений
(А я не верю) здесь найдется даже
Аббат с непостоянством роялиста
Принявший облик русского попа.

В воспоминании французских строчек
Я даже место нахожу свое —
Поэта - зрителя и мещанина,
Спасяющего свой живот от смерти,
И прохожу в избу к блинам овсяным
Крестьянина — Вандейского потомка.

II

Собака лает на телегу так же,
Как петухи на колесницу Феба,
Капаящая в небесах, — средь лая.
И звонкогорлых песен петушиных,
На медленно всходящий красный шар
Мы едем, я и мой хозяин рядом.

Когда он огибает льдистым кровом
Одетый грязный ручеек дорожный,
Мне кажется, что мету об'езжает
На колеснице римлянин в тунике,
Которая по случаю мороза
Обращена в запашистый зипун.

Куда мы? — спрашиваю я у ветра,
Но ветер выше глинистой дороги
И наших подорожных направлений,
И только проходящая корова,
Остановившись за большой нуждой,
Задумчиво и медленно мычит.

Мы говорим о людях и о Боге,
Придумавших друг друга, и о том,
Что без пяти коров вести хозяйство
Невыгодно.... Качается телега
И лошадиный хвост и две ноги
Над проползающей назад дорогой.

III

Проснулся на душистом сеновале....
Уже при дня я ничего не помню
О городе и об эпохе нашей,
Которая покажется наверно
Историку воспорженному эрой
Великих преступлений и геройств.

Я весь во власти новых обаяний
Открытых мне медлительным движеньем
На пахоте навозного жука.
В тот миг под пахаря земля бежала,
Ложась свежо слоистыми пластами
Направо от сверкающей дуги.

Тот человек простым и мудрым делом
Усердно занятый, забыл наверно,
Что мы живем в особенное время,
А я тем более: мое внимание —
На дерне срезанном со мною рядом,
Где медленно ползет навозный жук.

Какие темно-синие опливы,
Какая удивительная поступь,
Как много весу в этом круглом теле,
Переломившем желтую травинку,
И над глазами золотые брови
Я кажется заметил у него.

Он копошился, я его попрогал,
И пробуждение земли весенней
Почуяла горячая ладонь,
А ухо, вместо рассуждений мудрых
О переменах, различило ропот
От крыл быстро-летающих диких уток.

1918 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

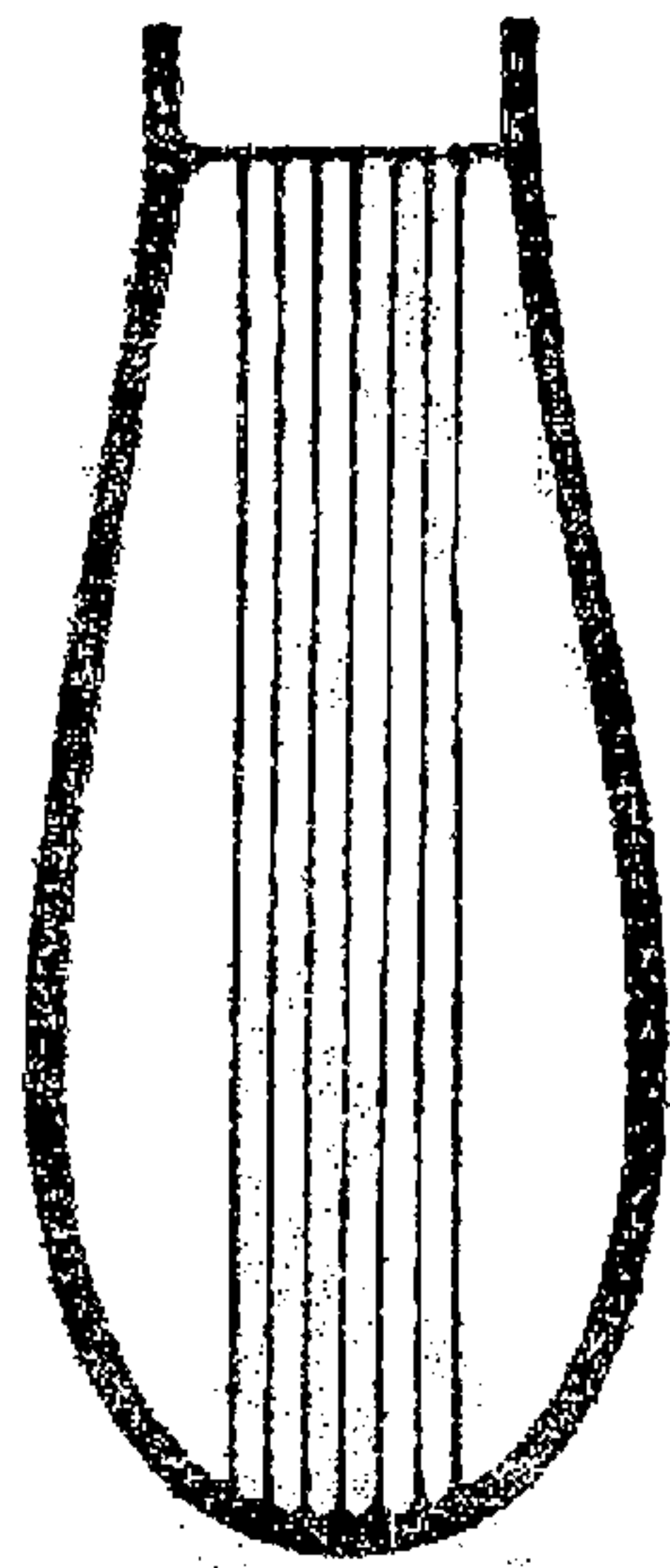
	Стран.
Гредел сегодня ночью гром	9
На дне	10
О кто мелькнув над лунной кручей	11
Теплое сердце брата	13
Любовь	14
Я этим грезил	16
Торговец тканями	17
Твое имя	18
Изначальный свет	19
В голубом прозрачном крематории	20
Цветут видения	22
Всю комнату в два окна	23
Сон	24
Война	26
Мне детство приснилось	27
Я приснился себе медведем	28
Аэроплан	30

	Стран.
Автомобиль	32
Синий суп в звездном когле	33
В легко подбрасывающем автомобиле	35
Концерт	36
Элегия	37
Осень	38
В деревне.	42

**ЦЕХ
ПОЭТОВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЦЕХА ПОЭТОВ»

АЛЬМАНАХ КНИГА I. (ДРАКОН).

С т и х и:

Георгий Адамович, Александр Блок, Н. Гумилев, Мих. Зенкевич, Георгий Иванов, М. Кузмин, М. Лозинский, О. Мандельштам, Ник. Оцуп, Всев. Рождественский, Федор Сологуб, М. Тумповская.

П о э м ы:

Н. Гумилев, С. Нелъдихен, Ирина Одоевцева, Ник. Оцуп.

С т а т ь и:

Андрей Белый, Н. Гумилев, О. Мандельштам.

АЛЬМАНАХ КНИГА II.

С т и х и:

Георгий Адамович, Н. Гумилев, Мих. Зенкевич, Георгий Иванов, М. Лозинский, О. Мандельштам, Ирина Одоевцева, А. Оношкович-Яцвина, Ник. Оцуп.

П о э м ы:

Петр Волков, Н. Гумилев, Л. Линавский, Сергей Нелъдихен, В. Познер. Критика. Последние стихи Н. Гумилева.

Н. ГУМИЛЕВ. Шатер. 1921 г.

НИК. ОЦУП. Град. 1921 г.

АЛЬМАНАХ КНИГА III *(печатается)*.

СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН. Органное многоголосье
(печатается).

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ. Возвращение Орфея *(готовится)*.

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ. Стансы *(готовится)*.

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА. Ангел. *(готовится)*.

НИК. ОЦУП. Большая Медведица. *(готовится)*.
